

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

ORIENTALIA

**SUFISM
AND THE MUSLIM
SPIRITUAL TRADITION:**

**Texts, Institutions,
Ideas and Interpretations**

**St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers
St. Petersburg
2015**

СУФИЗМ И МУСУЛЬМАНСКАЯ ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ:

**тексты, институты,
идеи и интерпретации**

**Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2015**

УДК 297
ББК Э383

Редакционная коллегия:

А. Д. Кныш (ответственный редактор; Университет Мичигана и Санкт-Петербургский Государственный университет), *Д. В. Брилёв* (Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев), *О. А. Ярош* (Институт философии им. Г. С. Сковороды НАН Украины, Киев)

Суфизм и мусульманская духовная традиция: тексты, институты, идеи и интерпретации. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. — 336 с. (Orientalia)

Сборник статей «Суфизм и мусульманская духовная традиция» посвящен такому многогранному, спорному и яркому феномену мусульманской духовно-практической традиции, как суфизм, — его текстам, институтам, идеям и интерпретациям.

Сборник рассчитан на самый широкий круг читателей, интересующихся духовной культурой и практикой мусульман, историей суфизма и его современным состоянием.

Edited by:

Alexander Knysh (University of Michigan and St. Petersburg State University),
Denis Brilyov (National Pedagogical University named after M. P. Dragomanov, Kiev), *Oleg Yarosh* (Institute of Philosophy named after G. S. Skovoroda, The National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev)

Sufism and the Muslim Spiritual Tradition: Texts, Institutions, Ideas and Interpretations. — SPb.: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2015. — 336 p. (Orientalia)

“Sufism and the Muslim Spiritual Tradition” explores the complex and occasionally controversial phenomenon of Islamic theory, culture and practice known as “Sufism”. The chapters assembled in this book discuss Sufi texts, institutions, rituals, and discourses as well as related phenomena of Muslim cultural and spiritual life in the past and today.

ISBN 978-5-85803-480-3

© Коллектив авторов, 2015

© Петербургское Востоковедение, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	6
Предисловие (А. Д. Кныш)	8
Передача духовного опыта и религиозного знания	
К. Гасымов. Ибн Таймийа о «Послании о суфийской науке» ‘Абд аль-Карима аль-Кушайри	12
А. А. Хасавнех. Об одной <i>марсие</i> на смерть шайха Мухаммад-Закира Камалова	53
Ш. Ш. Шихалиев. Агиографическо-биографические сочинения дагестанских шайхов Шу‘айба аль-Багини и Хасана аль-Кахи	70
Г. Камбарбекова. «Ламахат мин нафахат аль-кудс» как источник по истории тариката Ясавийа и Средней Азии	92
А. К. Бустанов. Священные родословные и межрегиональные связи мусульман Северной Евразии: история семьи Шиховых в XVII—XX вв.	106
К. П. Трофимова. «Божьи люди»: традиция почитания «святых» в цыганской среде на Балканах.	126
Идеи и интерпретации	
А. Д. Кныш. «Что в имени?» Определение суфизма как эпистемологическая и идеологическая проблема.	157
С. А. Нестерова. Семиотика божественного в суфийском учении Джалал ад-дина Руми	176
Е. А. Реутов. Символика поэмы Малика Мухаммада Джаяси «Падмават» в контексте индо-мусульманского культурного синтеза (попытка интерпретации суфийского поэтического текста)	190
О. А. Ярош. Интерпретации концепции <i>вахдат аль-вуджуд</i> в академической философии Индии в первой половине XX века	208
Институты и практики	
П. С. Шаблей. Распространение <i>накибандийа-муджаддидийа</i> в Казахской степи в XIX в.	227
И. Г. Саетов. «Джамаатизация» тарикатов в республиканской Турции: трансформация мусульманских общин в ответ на вызовы модерна	240
В. В. Цибенко. Тарикат <i>хакканийа (раббанийа)</i> : современный суфизм неосманского образца.	258
Д. В. Брилёв. Политизация суфизма в контексте Арабской весны	276
Указатель имен собственных	294
Предметный, географический и тематический указатель	303
Сведения об авторах	320

Д. В. Брилёв

Политизация суфизма в контексте Арабской весны

В статье исследуется феномен политизации суфийских братств Египта в условиях т. н. Арабской весны. Основное внимание уделяется партийному строительству на базе тарикатов, возникновению политических партий с суфийской идентификацией. Автор рассматривает три традиционных этапа эволюции организационных форм египетского суфизма и выделяет четвертый, связанный с попытками со стороны суфийского сообщества выйти из-под жёсткого контроля государства. Делается вывод о том, что причинами политизации суфийского сообщества стали попытки государственной власти полностью подчинить суфийские организации, усиление в египетском обществе антисуфийских сил, а также раскол и поляризация суфийского сообщества, приведшие к поиску суфиями легитимизации через политический активизм.

Ключевые слова: суфизм, тарикат, политический активизм, Арабская весна, Египет, Высший суфийский совет Египта, рифа'ийа, 'азамийа.

Введение

Арабская весна, прокатившаяся по Ближнему Востоку и последовавшая за ней смена политических режимов привела к активизации сил, которые до того не воспринимали себя и не воспринимались со стороны как активные участники политической жизни. Ярким примером подобных процессов и в чем-то даже своеобразным полигоном, на котором определяются новые конфигурации политических отношений и «обкатываются» их новые участники, стал Египет. Именно в этой арабской стране мы сегодня наблюдаем процессы переформатирования политического пространства, в результате чего формируются новые политические течения, некоторые из них, возможно, при благоприятном для них ходе событий, могут принципиально изменить расклад сил. Одной из таких сил может стать до недавнего времени полностью подконтрольный государству египетский суфизм.

Выбор политизации египетских тарикатов в контексте Арабской весны в качестве *case study* обусловлен тем, что именно в послереволюционном Египте наиболее отчетливо проявилось стремление суфийских организаций выйти в публичный политический дискурс в виде политических партий с суфийской идентификацией.

Хронологические рамки моего исследования ограничены событиями 2011—2014 гг., когда происходили наиболее заметные изменения в политической идентификации суфийского сообщества, обусловленные тектоническими сдвигами в социально-политическом устройстве Египта.

Суфизм и политика

Говоря о политизации суфизма или же о «политическом суфизме», безусловно, следует определить, что именно понимается под этим конструктом. Необходимость четких дефиниций связана с тем, что в целом суфизм в той или иной степени и форме всегда оказывал влияние на политические процессы в регионах своего распространения и нередко выступал субъектом политической жизни.

В качестве примера можно привести активную политическую деятельность тарикатов в Афганистане и укрепление их позиций в социально-политической жизни афганского общества. Р. Сикоев отмечает:

...Достаточно обратиться ко времени проведения всеафганской *Лоя Джирги*¹ 2001 г., когда указом главы переходного правительства Хамид Карзая депутатами Джирги были назначены (а не избраны) бывшие лидеры моджахедов и главы суфийских орденов, которых теперь в прессе величают «джихадским руководством», а именно: хазрат Себга-тулла Моджадди от провинции Кабул и пир Сайид Ахмад Гилани от провинции Нангархар [7, с. 382].

Также он обращает внимание на то, что в официальной биографии Сайида Ахмада Гилани, претендента на пост главы государства в ходе президентских выборов 2004 г., особо подчеркивалось, что он является суфием и принадлежит к тарикату *кадирийя*. Не является секретом и идеологическое влияние и активное участие афганских суфиев в деятельности движения Талибан.

Вполне однозначно высказывается о политической активности суфиев и известный специалист по суфизму в Центральной Азии Б. Бабджанов, полагая, что эволюция суфизма не исключает его потенци-

---

¹ *Л о я Д ж и р г а* (пушту; ‘большой совет’) — всеафганский совет старейшин (представителей), нерегулярно избираемый от этноплеменных групп для решения кризисных ситуаций.

альной возможности вылиться в политическое движение. В качестве примера он приводит тарикат *накшбандийа* (в частности, накшбандийского шайха Х^ваджу Ахрара), в котором заложенный в его доктрине призыв к социальной и экономической деятельности естественным образом привёл к политической активности. При этом исследователь высказывает мнение о том, что именно политизация суфизма (как в качестве оппозиционной силы, так и в рамках конформистских движений) стала одной из причин его упадка как мистико-философского движения, приведя его к «омирщению» и отходу от положений классического суфизма и тонких мистических переживаний [2].

О египетских суфиях также нельзя сказать, что они сторонились политики. К примеру, как указывает С. Кириллина, исторически суфии выполняли в египетском обществе ряд функций, в том числе и политическую [6, с. 181]. Е. Зеленев отмечает одну из ведущих ролей в национально-освободительном восстании ‘Ораби-паши (1881—1882) египетских суфиев, требовавших полного изгнания из страны европейцев [3, с. 277].

Спектр политической активности в суфизме далеко не исчерпывается описанными примерами: сюда можно было бы присовокупить еще и такие хрестоматийные примеры политического активизма в суфизме, как мюридизм имама Шамяля, участие тарикатов *санусийа* и *кадирийа* в антиколониальном движении в Северной Африке и т. д. Однако целью данного краткого очерка является попытка обозначить те новые формы активности, которые до того не имели выраженных проявлений в деятельности как отдельных суфиев, так и суфийских институтов.

В связи с этим, говоря о «политизации» суфизма в контексте Арабской весны, я подразумеваю политическую деятельность тарикатов, направленную на создание политических партий с суфийской идентификацией с целью более активного участия в политической жизни страны в условиях партийно-парламентской системы.

Институционализация суфийского сообщества в Египте: эволюция организационных форм

В истории институционализации суфийского сообщества в Египте могут быть выделены три этапа [18, с. 52]. Первый этап длился до 1812 г., когда тарикаты не существовали как группы с четкой внутренней организацией, а имели аморфную структуру, в которой отдельные семьи и общины были привязаны к конкретному шайху. Также отсутствовали какие бы то ни было официальные структуры, регулировавшие деятельность тарикатов в Египте.

Второй этап (1812—1895) характеризуется попытками государства придать тарикатам более организованную форму с целью обеспечения более эффективного контроля со стороны государства за их деятельностью.

Говоря об этом этапе истории суфийского сообщества Египта, нельзя обойти вниманием фундаментальную работу Ф. Де Йонга [13], в которой он подробно исследовал особенности отношений между формирующимися суфийскими организациями и египетскими властями, мусульманским мечетью-университетом аль-Азхар и прослойкой *шарифов* (потомков пророка Мухаммада).

Начало процессу «огосударствления» было положено египетским *пашой*² Мухаммадом ‘Али, который своим декретом от 1812 г. подчинил деятельность всех тарикатов шайху Мухаммаду аль-Бакри, стоявшему во главе влиятельного тариката *бакрийя*. При этом до 40-х гг. XIX в. процесс управления тарикатами со стороны централизованной структуры носил скорее номинальный, чем реальный характер. Реальная власть над суфийским сообществом Египта стала оформляться в конце 40-х—начале 50-х гг., когда в 1847 г. между Мухаммадом аль-Бакри и новым ректором аль-Азхара Ибрагимом аль-Байджури было заключено соглашение о разделении сфер влияния и полномочий. В период правления *хедива*³ Исма‘ила-паши (1863—1879) централизованное суфийское руководство в лице сына Мухаммада аль-Бакри — авторитетного богослова ‘Али аль-Бакри достигло своей максимальной эффективности и влиятельности в египетском обществе, что начало вызывать беспокойство со стороны государственной власти [6, с. 178]. После смерти ‘Али аль-Бакри в 1880 г. последующие годы (до 1895 г.) характеризовались падением авторитета среди суфиев центральной суфийской администрации, руководимой его сыном ‘Абд аль-Баки аль-Бакри, и ухудшением отношений между ней и государственным аппаратом.

Последний, третий этап начался в 1895 г. и длится по настоящее время. На этом этапе тарикаты были реорганизованы и подчинены государственной администрации, утратив во многом свою автономию. Многие реформы данного периода связаны с именем Мухаммада Тауфика аль-Бакри (1870—1932), второго сына ‘Али аль-Бакри, принявшего руководство центральной суфийской администрацией в 1892 г. При активном участии шайха аль-Бакри правительством Египта в течение 10 лет были приняты три документа, регламентировавшие дея-

---

² П а ш а (сокращение от персидского *падишах*) — титул высокопоставленного чиновника в Османской империи, Египте и ряде других мусульманских государств.

³ Х е д и в (перс.; ‘господин, государь’) — титул вице-султана Египта, существовавший в период зависимости Египта от Турции (1867—1914).

тельность суфийских братств на территории Египта: «Устав суфийских братств» (*аль-Ла'иха ли-т-турук ас-суфийа*) 1895 г., Поправки и дополнения к Уставу от 1903 г. и «Правила внутреннего распорядка тарикатов» (*аль-Ла'иха ад-дахилийа ли-т-турук ас-суфийа*) 1905 г., включавшие в себя рекомендации по организации деятельности тарикатов и разъяснявшие статусы шайхов и их заместителей (*халифов*). Два последних документа оставались неизменными и сохраняли юридическую силу вплоть до 1976 г. [20, с. 59].

Кроме того, «Уставом суфийских братств» с 1895 г. вместо центральной суфийской администрации вводилась новая структура — Высший суфийский совет Египта (*аль-Маджлис ас-суфи аль-а'ля*), который возглавил шайх аль-Бакри. Этот коллегиальный орган управления суфийскими братствами страны не претерпел особых изменений в организационной структуре со времени своего основания. Сегодня деятельность Совета регулируется Законом № 118, принятым в 1976 г.

Организационно Совет состоит из 15 членов: 10 суфийских шайхов, выбираемых суфийским сообществом Египта (*Маши'их ат-турук ас-суфийа*), и 5 представителей органов власти (представитель от университета аль-Азхар, заместитель министра вакуфов, заместитель министра внутренних дел, заместитель министра культуры и заместитель министра местного развития). Сам Великий шайх (*Шайх аль-маша'их*) избирается Советом и утверждается президентом Египта.

Совет регулирует деятельность 80 действующих в настоящее время в Египте тарикатов, 67 из которых официально зарегистрированы в Высшем суфийском совете и в Министерстве вакфов, а оставшиеся 13 — только в Совете [26, с. 45].

Суфийские партии на египетском политическом ландшафте

По мнению египетского социолога 'Аммара 'Али Хассана, существуют два основных фактора, которые побудили суфиев направить свои силы в публичную политику [11].

Первым фактором стало вмешательство государства во внутри-суфийские дела — прямое вмешательство президента Египта Хосни Мубарака в 2009 г. в процесс выбора главы суфийского совета. Как отмечает 'Али Хассан, стремление Мубарака гарантировать своему сыну Гамалю Мубараку победу на президентских выборах за счет обеспечения лояльности многомиллионного суфийского сообщества привело к нарушению традиции выбора главы египетских суфиев самими суфиями [11].

После смерти в 2008 г. Ахмада Камиля Йасина ар-Рифа'и, предыдущего главы Высшего суфийского совета, при выборах нового главы

произошел конфликт, расколовший суфийское сообщество Египта. В день смерти ар-Рифа'и 7 из 15 членов Совета провели встречу, на которой новым Великим шайхом был избран Мухаммад 'Ала' ад-дин Абу 'Аза'им, глава тариката *'азамийа* [26, с. 46]. Однако через три дня полным составом Совета его главой был избран 'Абд аль-Хади аль-Касаби, шайх немногочисленного тариката *касабийа-халватийа*, зарегистрированного Советом в мае 1980 г. [21] и распространенного преимущественно в *мухафазе* (провинции) аль-Гарбийа [32].

Назначение аль-Касаби привело к расколу в лагере египетских суфиев, когда шайхи 20 тарикатов, поддержавшие Абу 'Аза'има, ушли в оппозицию к новому главе, объединившись в движение «Суфийский фронт за реформы» (*Джабхат/габхат аль-ислях ас-суфи*). Члены Фронта направили Мубараку обращение, оспаривая легитимность тариката *касабийа-халватийа*, который, как они указывали в своем обращении, не был зарегистрирован Министерством вакфов. В свою очередь, аль-Касаби обвинил своих противников в «развращении понятия суфизма». Этот внутрисуфийский конфликт продолжался до апреля 2010 г., когда президент Хосни Мубарак официально объявил аль-Касаби Великим шайхом и главой Высшего суфийского совета [22].

Выбор Хосни Мубараком аль-Касаби связывают с лояльностью последнего. 'Абд аль-Хади аль-Касаби являлся членом Совета Шуры (верхней палаты египетского парламента) и членом правящей Национал-демократической партии. Кроме того, его отец, Ахмад 'Абд аль-Хади аль-Касаби, сам в свое время являлся главой Высшего суфийского совета.

Правда, как отмечает глава Центра политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам» Диаа Рашван, нельзя сказать, что притязавший на пост Великого шайха Абу 'Аза'им являлся критиком власти (своей лояльностью режиму Мубарака были известны оба претендента), но аль-Касаби оказался более лояльным [29].

В этой связи хочется отметить, что высказанный С. Кириллиной тезис о том, что вовлечение в политическую борьбу различных групп суфиев ведет к развитию процесса поляризации суфийского сообщества [6, с. 186], в данном случае оказался справедливым скорее в обратном отношении — раскол, поляризация суфийского сообщества привели к более активному вовлечению тарикатов в политическую борьбу.

Однако следует отметить, что конструктивные силы внутри суфийского сообщества способствовали тому, чтобы конфликтующие стороны приступили к диалогу. Так, 17 июля 2011 г. «Высший суфийский совет» провел первую встречу с целью примирения с представителями «Суфийского фронта за реформы». Шайх одного из наиболее влиятельных египетских тарикатов *рифа'ийа* Тарик Йасин ар-Рифа'и (племянник бывшего Верховного шайха Ахмада Камиля Йасина ар-Рифа'и, возглавивший после его смерти тарикат) сообщил, что главы

тарикатов решили создать комитет из восьми «старейшин» (*аль-хукама*) для преодоления двухлетней розни и предотвращения краха суфийских организаций Египта [24].

Окончательное примирение состоялось в январе 2012 г., и в настоящее время в суфийском сообществе достигнуто соглашение о сохранении статус-кво до следующих выборов Совета, которые должны были состояться в 2013 г. [27]. Однако в запланированное время выборы не были проведены в связи с радикальным изменением политической обстановки. На момент написания статьи (первая половина 2014 г.) Совет продолжал возглавлять аль-Касаби, утративший, однако, большую часть своего влияния. В то же время Абу 'Аза'им, в ноябре 2013 г. возглавивший Всемирную федерацию суфийских тарикатов ⁴ (*аль-Иттихад аль-'алами ли-т-турук ас-суфийа*), стал наиболее влиятельным членом Совета.

Вторым фактором усиления политической активности египетских суфиев в сфере партийной деятельности стали усиливающиеся опасения, что, несмотря на первоначальные уверения исламистов об отказе от политической борьбы, власть в Египте может перейти в руки Братьев-мусульман, представленных Партией свободы и справедливости (*Хизб аль-хуррийа в-аль-'адаля*), и салафитов, представленных в публичном политическом дискурсе партиями «Свет» (*ан-Нур*) и «Добродетель» (*аль-Фадыля*). Как показали египетские события 2012—2013 гг., эти опасения были не беспочвенными. Как отметил Абу 'Аза'им, «если салафиты или Братья-мусульмане придут к власти, они могут распустить Суфийский совет, и по этой причине у суфиев должна быть своя партия» [15]. Шайх Габир Касим аль-Холи, представитель полумиллионной александрийской суфийской общины (включающей 36 из 80 зарегистрированных тарикатов), больше других пострадавшей от нападений салафитов, высказался еще более категорично: «Если государство не находит достаточно времени, чтобы защитить эти места (мечети и гробницы суфийских шайхов. — Д. Б.), мы как суфии должны сделать что-то существенное, такое, как создание политической партии, что позволило бы нам решить наши проблемы с этими экстремистами» [31].

---

⁴ 2—4 ноября 2013 г. Абу 'Аза'им организовал международную конференцию суфийских шайхов в Париже на тему «Роль суфизма в [обеспечении] безопасности и стабильности в обществе». В конференции приняли участие 19 лидеров египетских суфийских орденов, а также несколько шайхов и членов суфийских тарикатов Турции, Европы и Северной Африки. В конце конференции участники объявили о создании Всемирной федерации суфийских тарикатов во главе с Абу 'Аза'имом. Он также объявил об открытии штаб-квартиры организации в Париже и нескольких филиалов в различных местах по всему миру, заявив при этом, что все решения Федерации будут осуществляться из офиса тариката *'азамийа* в Каире [12, с. 1].

При этом, если принять во внимание количество последователей тарикатов (по разным оценкам оно колеблется от 3 до 18 млн человек⁵, по официальным оценкам — около 10 млн) и контраверсивные позиции по многим вопросам между представителями суфийского общества и исламистами, то близость как одних, так и других к власти неизбежно будет вести к росту политической напряженности. С другой стороны, лишь наличие конкуренции могло бы способствовать формированию действительно влиятельной оппозиции, в том числе и на базе суфийских тарикатов. Однако вытеснение армией (путем военного переворота) из политической сферы Братьев-мусульман и последовавшие за этим попытки со стороны армейской элиты вновь сделать Суфийский совет опорой правящего режима (как во времена Мубарака) делают маловероятным независимое и естественное развитие в ближайшее время политических форм суфизма.

В настоящее время три партии идентифицируют себя как суфийские (хотя и с некоторыми оговорками). Это Египетская партия освобождения (*Хизб ат-тахрир аль-масри*), партия «Голос свободы» (*Хизб саут аль-хуррийа*) и партия «Победа» (*Хизб ан-наспр*). Однако только Египетская партия освобождения получила юридический статус в качестве политической партии, в то время как две другие партии до сих пор не зарегистрированы [27].

Формальным началом суфийского «партийного строительства» можно считать 3 марта 2011 г., когда представители 18 египетских тарикатов договорились создать комитет для формирования суфийской политической партии [23], образцом при этом послужила турецкая Партия справедливости и развития (*Adalet ve Kalkınma Partisi*), имеющая суфийские корни. Уже спустя полгода, в сентябре 2011 г., суфийская партия «Египетская партия освобождения» была официально зарегистрирована. Помимо суфиев, среди которых доминируют члены тариката 'азамийа, в эту партию вошли представители армянской диаспоры, копты и нубийцы.

В качестве своей политической платформы партия выдвинула положения о поддержке гражданского общества, основных прав и свобод человека, а также о следовании принципам исламского права при соблюдении специальных законов о правах представителей других религий.

Социально-экономическая платформа включает в себя:

- создание социально ориентированной рыночной экономики;
- усиление роли суфизма в египетском обществе;
- противодействие нападениям на места отправления культовых действий, такие как суфийские мечети и коптские церкви.

---

⁵ См., например, статью Н. Эль-Хеннави [17] или С. Файеда и Ф. Р. Юсефа [15].

Основателями партии являются д-р Ибрахим Захран (эксперт в нефтегазовой сфере), Мухаммад 'Ала' ад-дин Абу 'Аза'им (глава тариката *'азамийа*), Ашраф Габир и Ахмат Хильми Рифа'ат [33].

Структура партии жестко централизована, управление осуществляется председателем партии и 24 членами Исполнительного комитета, избираемыми Генеральной ассамблеей. Для избрания председателем кандидату необходимо набрать три четверти голосов Генеральной ассамблеи. В функции исполкома помимо прочего входит назначение глав различных специализированных комитетов, а также руководителей местных ячеек.

Мухаммад 'Ала' ад-дин Абу 'Аза'им, несмотря на свой авторитет в партии, отказался от официальных постов, возглавив Комитет старейшин — консультативный орган партии. По его словам, на этот шаг он пошел ради того, чтобы поддержать имидж своей партии как светского объединения, которое готово принять всех, а не только суфиев [14].

Кроме Египетской партии освобождения, суфийскую идентификацию имеет партия «Голос свободы» (*Хизб саут аль-хуррийа*), которая связана со старейшим и влиятельнейшим египетским тарикатом *рифа'ийа*, насчитывающим от 5 до 6 млн последователей. Особый интерес вызывает инициатива молодежного крыла тариката, основавшего Коалицию египетских суфиев, насчитывающую около 10 тыс. мюридов. Как отмечает один из инициаторов создания данной коалиции секретарь тариката *рифа'ийа* Мустафа За'ид, одной из причин ее возникновения стало стремление молодых суфиев защитить свои тарикаты и святыни от нападков со стороны исламистских организаций. Другой причиной для создания коалиции, по утверждению ее основателей, является необходимость реформирования суфийских тарикатов изнутри. По словам За'ида, основным требованием членов коалиции является внесение поправок к Закону № 118 от 1976 г., направленных против передачи статуса шайха тариката по наследству, чтобы заменить ее системой, в которой бразды правления тарикатом будут получать лучшие и самые осведомленные в суфизме его члены [11].

Отдельно следует отметить такую форму политического активизма со стороны представителей суфийского сообщества, как участие отдельных суфийских шайхов в светских партиях, не связанных с конкретными тарикатами или же суфизмом в целом. К примеру, можно назвать шайха Тарика Йасина ар-Рифа'и из *рифа'ийа*, который присоединился к Партии свободных египтян (*Хизб аль-масрийин аль-ах-рар*) коптского бизнесмена-магната Нагиба Савириса и был выдвинут кандидатом на парламентских выборах 2011 г. по округу Имбаба (район Северного Каира). Член исполкома партии 'Адиль Басиль отметил: «...Шайх Тарик имеет большое значение для нашей партии. Он представляет суфийский орден, который придерживается умеренного ислама. Это то, в чем в данный момент нуждается Египет» [28].

«Политический» суфизм и «политический» ислам

Любые попытки суфиев войти в политическую жизнь Египта в качестве активного игрока неизбежно будут сталкиваться с сопротивлением правящей элиты, будь то исламисты, либералы-секуляристы или же армия. Проблема в том, что большинство политических сил Египта (возможно, кроме салафитов, являющихся откровенно враждебной суфиям силой) рассматривает египетских суфиев как «свой» электорат, призванный легитимизировать существующий политический строй. Поэтому политические конкуренты вряд ли дадут суфийским и просуфийским партиям возможность беспрепятственно мобилизовать и консолидировать своих сторонников. Кроме того, не стоит забывать и о том, что внутри самого суфийского сообщества наблюдается крайне неоднозначное отношение к политической деятельности. Те из шайхов, кто связаны с Высшим суфийским советом, являются заложниками самой этой структуры, которая более чем за 150 лет превратилась практически в элемент государственного аппарата, и выступают против превращения суфийских тарикатов в самостоятельного политического игрока, поддерживая, как будет видно дальше, практически любую власть⁶. Ярким примером подобной аполитичности может служить позиция Верховного шайха аль-Касаби и его сторонников, которые полностью отрицают политическую функцию суфизма. Так, он говорит:

...Последователи суфизма никогда не ставили и не поставят перед собой цель прийти к власти, они никогда не думали создавать партии или заниматься политической деятельностью... В настоящее время мы выступаем против того, чтобы у египетских последователей суфизма была своя политическая партия [5].

Что характерно, со стороны «государственного», или официального, суфизма в лице аль-Касаби и поддерживающих его шайхов акцент на аполитичности суфизма в период доминирования в политическом пространстве Египта исламистов был связан с идеей диалога между суфиями и парламентским большинством (Братьями-мусульманами и салафитами)⁷. Показательной в этом отношении является риторика аль-Касаби в отношении салафитов:

---

⁶ Можно предположить, что лишь откровенно антисуфийски настроенная власть могла бы изменить подобное отношение со стороны функционеров Высшего суфийского совета.

⁷ Как я покажу ниже, после событий лета 2013 г. и последовавших за ними репрессий против Братьев-мусульман риторика Великого шайха в отношении последних изменилась кардинальным образом.

...Мы с салафитами стоим на твердой почве — нас объединяет книга Аллаха и сунна Его посланника. Можно сказать, что мы сходимся в отрицании тех нововведений, которые в последнее время получили распространение среди некоторых суфиев. ...Доказательством моих слов являются наши отношения с одним из авторитетнейших представителей салафии — шайхом Саидом Абдель Азимом, который выступает за необходимость сближения между суфизмом и салафизмом, и я полностью разделяю его мнение [10].

В данной ситуации сложно сказать, насколько личные отношения аль-Касаби с 'Абд аль-'Азимом могут быть перенесены на общеегипетские реалии, особенно в контексте нападения салафитов на суфийские мечети. В любом случае вопрос суфийско-салафитского диалога в целом и в его региональных проявлениях — это тема отдельного исследования.

Другим примером позиции 'Абд аль-Хади аль-Касаби может служить конференция по суфизму, прошедшая в 2011 г. Так, 24—26 сентября 2011 г. Высшим суфийским советом была организована Международная суфийская конференция «Суфизм: подлинный путь реформ» с участием около 300 ученых и суфийских лидеров из 35 стран. Возмущение многих египетских суфиев в данном случае вызвал тот факт, что аль-Касаби направил приглашения на конференцию лидеру египетских Братьев-мусульман Мухаммаду Бади, Мухаммаду Мурси, являвшемуся в тот момент председателем Партии свободы и справедливости, и представителю салафитов шайху Мухаммаду Хасану [25]. Противники подобного «сближения» добились встречи с шайхом аль-Азхара Ахмадом ат-Таййибом и бывшим муфтием Египта 'Али Гум'а (Гомаа), на которой потребовали прекратить любые отношения с исламистами.

Другой представитель «официального» суфизма, заместитель Верховного шайха Габир Касим аль-Холи из Александрии, представляет несколько иной подход к взаимодействию с исламистами. В отличие от аль-Касаби, который демонстрирует готовность к сотрудничеству как с Братями-мусульманами, так и с салафитами, аль-Холи в отношении салафитов придерживается, как я показал выше, достаточно жесткой риторики. В то же время, говоря о Братях-мусульманах, аль-Холи заметил: «...Мы не против Братьев-мусульман и между нами существуют тесные связи, но мы будем конкурировать в политике, чтобы служить нашей стране и ее народу» [16].

Суфии в условиях военного переворота

Несмотря на отсутствие опыта политической борьбы и разобщенность суфийского сообщества, у египетских суфиев на политическом

поприще имеются определенные успехи. К примеру, во время президентских выборов в июне 2012 г. кандидат в президенты Египта от либеральных сил Ахмад Шафик победил своего оппонента Мухаммада Мурси в 4-миллионной Александрии с преимуществом в 212 тыс. голосов. Как заявил шайх Габир Касим аль-Холи, это произошло благодаря тому, что большинство суфиев, которых в Александрии насчитывается около полумиллиона, голосовали именно за Шафика [30]. Сложно сказать, стала ли столь единодушная поддержка Шафика со стороны суфиев результатом согласованных действий различных тарикатов, действующих в Александрии. Возможно, что в немалой степени консолидации представителей различных тарикатов поспособствовало нападение салафитов весной 2011 г. на два десятка суфийских мечетей, в том числе и самую известную суфийскую мечеть Александрии, названную именем андалусского шайха Абу-ль-‘Аббаса аль-Мурси, жившего в XIII в. [31].

Однако в целом в настоящее время можно констатировать, что суфизм не состоялся в качестве значимого игрока на египетской политической сцене. В большинстве случаев политическую слабость суфиев связывают именно с отсутствием у них опыта политической борьбы. При этом накануне военного переворота среди представителей суфийского политического активизма наблюдались тенденции к отказу от участия в предстоящих парламентских выборах. Как отмечал Генеральный секретарь Египетской партии освобождения ‘Ассам Мохи, некоторые тарикаты опасались фальсификаций в пользу Братьев-мусульман. Он также отметил, что, несмотря на предложения о предвыборном альянсе с Фронтом национального спасения⁸, суфийские партии склонялись к бойкоту выборов, хотя и не собирались отказываться от политической борьбы в целом.

Серьезным испытанием для суфийского политического активизма стали события лета 2013 г., когда, воспользовавшись массовыми народными протестами против правления Братьев-мусульман, власть в свои руки взяла армейская элита во главе с министром обороны генералом ‘Абд аль-Фаттахом ас-Сиси. В этой ситуации внутри суфийского сообщества проявились две основные тенденции: с одной стороны, в поддержку ас-Сиси выступила та часть суфиев, которая с самого начала и последовательно выступала против Братьев-мусульман (и салафитов). К примеру, глава тариката *‘азамийа* Абу ‘Аза’им заявил, что

---

⁸ В период правления Мухаммада Мурси — крупнейшая оппозиционная политическая сила, объединяющая несколько светских либерально-демократических партий Египта, возглавляемых общественными деятелями с известными именами, среди них бывший генсек Лиги арабских государств (ЛАГ) Амр Муса и лидер оппозиционной партии «Дустур» и бывший глава МАГАТЭ Мохаммед аль-Барадеи.

всякий, кто сражается против полиции и армии, — неверующий, а погибшие при исполнении долга солдаты и полицейские стали *шахидами* [1].

С другой стороны, в поддержку армии выступил и Высший суфийский совет во главе с шайхом аль-Касаби, который лишь недавно ратовал за тесный диалог с салафитами и Братьями-мусульманами. Так, в августе 2013 г. шайх аль-Касаби от имени многомиллионной суфийской общины Египта обратился к президенту США Бараку Обаме с посланием, в котором жестко раскритиковал позицию США, поддерживающих насилие и террор в Египте [8].

Справедливости ради следует заметить, что в разгар противостояния в египетском обществе Совет выступал с позиции примирения разных сил внутри Египта. Так, 29 июня 2013 г. глава Совета шайх аль-Касаби обратился к египтянам с призывом к примирению, указывая, что «кровопролитие перед Аллахом является более запретным, чем даже запретность Ка‘бы» [9]. Однако окончательное отстранение от власти Братьев-мусульман и переход контроля в руки военных вернул Совет в состояние периода правления Мубарака. При этом, даже принимая во внимание конформистскую позицию Совета, можно увидеть разницу в отношении к исламистам — если аль-Касаби указывает на неприемлемость кровопролития обеими сторонами, то Абу ‘Аза’им выступает однозначно на стороне армии.

Оформившееся во время правления Мухаммада Мурси движение за реформирование тарикатов, о котором я упоминал выше, в настоящее время подвергается риску быть свернутым. Эта негативная тенденция связана с попытками со стороны правящей элиты сформировать образ генерала ас-Сиси как национального героя, своеобразного «отца нации». Одним из проявлений подобной тенденции можно считать встречу в рамках компании «Сиси с тобой, а не против тебя» советника президента по политическим вопросам д-ра Мустафы Хиджази с представителями суфийских кругов (Движение независимых суфийских шайхов), молодежи (Международная ассоциация молодежи аль-Азхара и суфизма, Революционное объединение коптской молодежи), арабских племен и Всемирной ассоциации *аширафов* (потомков Пророка). Во время встречи было заявлено, что если появится лидер Египта, то он обязательно должен выйти «из-под крыла аль-Азхара и суфизма», и выражено пожелание, чтобы появился новый Салых ад-дин аль-Аййуби или Нур ад-дин Занги⁹ [4].

---

⁹ Нур ад-дин Занги (1116—1174) — правитель сирийской провинции Халеб (Алеппо), впоследствии — правитель Дамаска. Известен своей успешной борьбой с крестоносцами и шиитами-фатимидами. Салых ад-дин аль-Аййуби (1138—1193), или Саладин, — султан Египта и Сирии, принявший от Нур ад-дина Занги эстафету борьбы с крестоносцами, чем более всего и прославился.

Выводы

Анализ истории институционализации суфийских организаций в Египте, а также участия тарикатов в политической жизни Египта времен Арабской весны позволяет сделать определенные выводы.

Прежде всего, спецификой египетского суфизма можно считать стремление государства, начиная с времени правления паши Мухаммада 'Али (1805—1849), подчинить себе и институализировать суфийское сообщество. При этом процесс «огосударствления» суфизма протекал в три этапа. На первом этапе (до 1812 г.) отсутствовал контроль государства над суфийским сообществом, как отсутствовали и официальные структуры, регулировавшие деятельность тарикатов в Египте. На втором этапе (1812—1895) государство предприняло ряд попыток по упорядочению их деятельности и переводу их под государственный контроль, что привело к усилению роли центральной суфийской администрации в египетском обществе. На третьем этапе (1895—настоящее время) государство получило полный контроль за деятельностью тарикатов путем усиления централизованной структуры — Высшего суфийского совета, превратив их, по сути, в разновидность государственного института. Целесообразным, на мой взгляд, является выделение четвертого этапа эволюции организационных форм египетского суфизма — начиная с 2009 г. происходит трансформация отношений между суфийскими организационными структурами и органами государственной власти, связанная с попытками со стороны суфийского сообщества выйти из-под жёсткого контроля государства.

Ослаблению государственного контроля за деятельностью тарикатов, в свою очередь, способствовали события Арабской весны, приведшие к активизации политической жизни в Египте. При этом интенсивная политизация египетского общества в условиях падения авторитарного режима во многом определила и специфику политизации суфийского сообщества Египта, которая осуществлялась прежде всего в форме создания политических партий с суфийской идентификацией.

Причинами политизации суфийского сообщества стали: а) попытки государственной власти накануне своего падения максимально взять суфийские организации под свой контроль; б) усиление в обществе таких исламских движений, интерпретация ислама которыми противоречила суфийской; в) раскол и поляризация суфийского сообщества, в результате чего политический активизм стал формой легитимизации своей позиции отколовшимися группами.

Попытки освоить политический дискурс привели к появлению трех «суфийских» партий: Египетской партии освобождения (на базе тариката *'азамийа*), партии «Голос свободы» (на базе тариката *рифа'ийа*) и партии «Победа».

На фоне усиления политического активизма в египетском суфизме наместились реформаторские тенденции (реализовавшиеся в виде Коалиции египетских суфиев), направленные на «обновление» суфизма и его обратную трансформацию из государственного института прежде всего в духовную практику.

Отсутствие навыков политической борьбы, существование в суфийском сообществе различных «групп интересов» привели к неспособности египетских суфиев в настоящий момент выступить в качестве самостоятельной политической силы.

Фактором, который может поспособствовать восстановлению политического веса суфизма, являются политические силы, выступающие за политический плюрализм в Египте и против консолидации власти в руках одной силы — будь то Братья-мусульмане или же армейская элита. Необходимость опереться на народные массы объясняет тот интерес, который суфийские лидеры испытали со стороны различных египетских политических сил, особенно накануне президентских выборов 2012 г., — Ахмад Шафик, ‘Абд аль-Мун‘им Абу-ль-Футух и Хамди Сабахи посетили суфийских шайхов, представили им свои предвыборные программы и обратились с просьбой о поддержке ¹⁰ [19]. Также можно вспомнить сотрудничество главы тариката *рифайи* Тарика Йасина ар-Рифа‘и с Партией свободных египтян.

В заключение хочется отметить, что сегодня сложно сказать, смогут ли суфийские тарикаты найти общий язык между собой и сумеют ли они построить жизнеспособную политическую структуру, которая будет отстаивать права суфийской части египетского общества, особенно в условиях возвращения власти к армейской элите. Однако можно с уверенностью говорить о том, что события Арабской весны привели в движение многомиллионную суфийскую общину, и это дает надежду на определенные позитивные изменения в устоявшемся более чем за 150 лет порядке.

Список литературы

1. Абу ‘Аза’им: Ман йукатилу аль-джайш фахуа «кафир» // Аль-Вафд. 2013. 6 августа.

---

¹⁰ В данном случае, конечно, сложно говорить о «политизации» суфизма в том контексте, в котором это явление рассматривается в данной работе. Скорее речь здесь идет о более традиционных формах политического активизма в суфизме, которые начинают возрождаться в Египте после почти столетия тотального контроля со стороны государства, когда суфии во многом обеспечивали религиозную легитимность действующей власти, выступая при этом скорее как молчаливое большинство.

2. Бабаджанов Б. М. К вопросу о восприятии статуса суфийского шайха (на примере Хваджа Ахрара) // *Arabia Vitalis. Арабский Восток, ислам, древняя Аравия*: Сб. ст. в честь В. В. Наумкина. М., 2005. С. 177—190.
3. Зеленев Е. И. *Мусульманский Египет*: Учеб. пособие. СПб., 2007.
4. Иттихад шабаб аль-Азхар ва-с-суфиййа йастанкиру таджахул «ар-ри’аса» // Аль-Вафд. 2013. 29 сент.
5. аль-Касаби, Абдель Хади: суфизм переживает беспрецедентный в своей истории судьбоносный момент [Электронный ресурс] // Ислам в Российской Федерации. 2011. 31 октября. URL: <http://islamrf.ru/news/world/w-interview/18666/> (дата обращения: 16.10.2013).
6. Кириллина С. А. Эволюция египетских суфийских братств (XIX—начало XX в.) // *Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики*: Сб. ст. М., 1985. С. 172—190.
7. Сикоев Р. Р. Суфийские ордены в социально-политической жизни Афганистана // *Ислам и общественное развитие в начале XXI века*. М., 2005. С. 376—385.
8. Ат-турук ас-суфиййа туваджджиху хитабан хаддан ли-р-ра’ис аль-Амрики // Аль-Вафд. 2013. 20 августа.
9. Шайх ат-турук ас-суфиййа йад’у аль-мисриййин ли-с-саля // Аль-Вафд. 2013. 30 июня.
10. Шайх Касаби: Мы, суфии, — тоже салафиты [Электронный ресурс] // IslamNews. 2011. 10 октября. URL: <http://www.islamnews.ru/news-90851.html> (дата обращения: 10.06.2013).
11. Ammar, Ali Hassan. Political role of Sufi orders in Egypt after the January 25 revolution [Электронный ресурс] // Afro-Middle East Centre. 2011. 17 August. URL: <http://amec.org.za/documents/38-united-nations/155-un-sc-resolution-484> (дата обращения: 10.10.14).
12. Barak, M. Egypt’s Sufi Al-Azmiyya: An Alternative to Salafism? [Электронный ресурс] // Tel Aviv Notes. 2014. Vol. 8. N. 8. URL: http://www.dayan.org/sites/default/files/Michael_Barak_TA_NOTES_al-Azmiyya_27042014.pdf (дата обращения: 10.09.14; систем. требования: AdobeAcrobatReader).
13. De Jong, F. *Turuq and turuq-linked institutions in nineteenth century Egypt: a historical study in organizational dimensions of Islamic mysticism*. Leiden, 1978.
14. Egyptian Tahrir Party [Электронный ресурс] // Jadaliyya. 2011. 13 December. URL: <http://www.jadaliyya.com/pages/index/3501/egyptian-tahrir-party> (дата обращения: 16.06.2013).
15. Fayed S., Youssef, A. R. Egypt’s Sufis see Islamist threat after Mubarak [Электронный ресурс] // Reuters. 2011. 14 Juny. URL: <http://www.reuters.com/article/2011/06/14/us-egypt-sufism-idUSTRE75D1G220110614> (дата обращения: 14.06.2013).
16. Al-Garnousy, M. Aided by new alliance, Sufis plan election strategy [Электронный ресурс] // Egypt Independent. 2012. 21 August. URL: <http://www.egyptindependent.com/news/aided-new-alliance-sufis-plan-election-strategy> (дата обращения: 25.05.2013).
17. El-Hennawy, N. Sufi leader: Brotherhood never admits its mistakes [Электронный ресурс] // Egypt Independent. 2013. 18 February. URL: <http://www.egyptindependent.com/news/el-hennawy-sufi-leader-brotherhood-never-admits-its-mistakes>

egyptindependent.com/news/sufi-leader-brotherhood-never-admits-its-mistakes (дата обращения: 18.06.2013).

18. Kei, T. A New Logic in the Sufi Organization: The Continuation and the Disintegration of the Tarīqas in Modern Egypt // *Asian and African Area Studies*. 2007. N. 7 (1). P. 50—64.

19. Khawly, M., Abdel Rahman, Y. Egypt Elections: Look Who's Holding Court Now [Электронный ресурс] // *Al-Akhbar English*. 2012, May 24. Retrieved Juny 2, 2013. URL: <http://english.al-akhbar.com/node/7674> (дата обращения: 05.06.2013).

20. Kisaichi, M. The Burhami order and Islamic resurgence in modern Egypt // *Popular Movements and Democratization in the Islamic World* / Ed. by Masatoshi Kisaichi. New York: Routledge, 2006. P. 57—77.

21. Luizard, P.-J. Le Soufisme Egyptien Contemporain // *Egypte Monde Arabe*. 1990. N. 2. P. 35—94.

22. El-Mahdy, O. Mubarak appoints Grand Sheikh of the Sufis, Al-Azhar chancellor [Электронный ресурс] // *Egypt Independent*. 2010. 11 April. URL: <http://www.egyptindependent.com/news/mubarak-appoints-grand-sheikh-sufis-al-azhar-chancellor> (дата обращения: 15.06.2013).

23. El-Mahdy, O. Egyptian Sufis to form political party [Электронный ресурс] // *Egypt Independent*. 2011. 3 March. URL: <http://www.egyptindependent.com/news/egyptian-sufis-form-political-party> (дата обращения: 15.06.2013).

24. El-Mahdy, O. Efforts to end Sufi divisions in Egypt [Электронный ресурс] // *Egypt Independent*. 2011. 13 July. URL: <http://www.egyptindependent.com/news/efforts-end-sufi-divisions-egypt> (дата обращения: 15.06.2013).

25. El-Mahdy, O. Invitation of non-Sufi Islamists to Sufi conference provokes outcry among sheikhs [Электронный ресурс] // *Egypt Independent*. 2011. 19 September. URL: <http://www.egyptindependent.com/news/invitation-non-sufi-islamists-sufi-conference-provokes-outcry-among-sheikhs> (дата обращения: 05.06.2013).

26. Mapping Islamic actors in Egypt [Электронный ресурс] // *Netherlands-Flemish Institute in Cairo & Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies*. 2012. March. URL: <http://media.leidenuniv.nl/legacy/mapping-islamic-actors-version-2.2.pdf> (дата обращения: 22.06.2014).

27. El-Masry, S. Sufi Islam in Egypt [Электронный ресурс] // *Daily News Egypt*. 2012. 21 October. URL: <http://www.dailynewsegypt.com/2012/10/21/sufi-islam-in-egypt/> (дата обращения: 20.05.2013).

28. Moderate Islam Sufi sheikh joins Sawiris Free Egyptians Party [Электронный ресурс] // *AhramOnline*. 2011. 17 October. URL: <http://english.ahram.org.eg/News/24346.aspx> (дата обращения: 25.05.2013).

29. Morrow, A., al-Omrani, Khaled Moussa. Egypt: Historically Apolitical, Sufis Now Side With the State [Электронный ресурс] // *Inter Press Service*. 2010. 21 May. URL: <http://www.ipsnews.net/2010/05/egypt-historically-apolitical-sufis-now-side-with-the-state/> (дата обращения: 10.06.2013).

30. Most Sufis in Alexandria support Shafiq, says sheikh [Электронный ресурс] // *Egypt Independent*. 2012. 6 Juny. URL: <http://www.egyptindependent.com/news/sufis-alexandria-support-shafiq-says-prominent-sheikh-news-2> (дата обращения: 10.06.2013).

31. Osman, A. Z. Sufis feel pressure as Salafi power grows [Электронный ресурс] // Egypt Independent. 2011. 5 April. URL: <http://www.egyptindependent.com/news/sufis-feel-pressure-salafi-power-grows> (дата обращения: 12.06.2013).
32. Al-Sayyed, H. Sufi orders: a vital part of Egyptian society [Электронный ресурс] // AhramOnline. 2012. 9 October. URL: <http://english.ahram.org.eg/News/55160.aspx> (дата обращения: 10.06.2013).
33. Al-Tahrir al-Masry (Egyptian Liberation Party) [Электронный ресурс] // Carnegie Endowment for International Peace. 2011. 21 September. URL: <http://egyptelections.carnegieendowment.org/2011/09/21/al-tahrir-al-masry-egyptian-liberation-party> (дата обращения: 10.06.2013).

Denis Brilyov
**The Politisation of Sufism
in the context of the «Arab Spring»**

In the paper the phenomenon of politization of a Sufi brotherhoods of Egypt in the context of the so-called «Arab spring» is discussing. The special attention is addressed to party formation on the base of tariqas, and political parties with Sufi self-identification. The author outlines three traditional stages of evolution of Egypt Sufism organizational forms, and distinguish the fourth one, which addresses to the attempts of the Sufi community to get out of strict control of the State. The author concludes, that the reasons of politization of Sufi community goes from the attempts of the State authorities to subdue the Sufi organizations, as well as the strengthening of anti-Sufi authorities in Egyptian society, the split and polarization of Sufi community which resulted in searching by Sufis the legitimization through political activism.

Key words: Sufism, tariqa, political activism, «Arab spring», Egypt, Supreme Council of Sufi orders, Rifa'i, 'Azamiyya.